18+

КАРМЕЛЛА ЛИВИЯ

ПОДПИСЬ ПОД КРАСКОЙ

Кармелла Ливия

Подпись под краской

«Издательские решения»

Ливия К.

Подпись под краской / К. Ливия — «Издательские решения»,

Вера Соколова учится на четвёртом курсе и работает в реставрационной мастерской. Ей приносят «Осень на Мойке», которую все считают шедевром начала века. Под верхней подписью Вера находит другую.Марк Вельский вернулся из Лондона, чтобы продавать коллекцию отца. Он вежлив до холода, замечает всё и молчит о главном. Вера может подписать заключение и остаться при мастерской. Или сказать правду на аукционе и потерять всё, включая его. Он влюбился первым. Она узнает об этом последней.

© Ливия К.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Одеяло 6
Глава 2. Бумаги 8
Глава 3. Вторая подпись 10
Глава 4. Вельский 12
Глава 5. Подпись 14
Глава 6. Четыре миллиона 16
Глава 7. Бумаги отца 18
Глава 8. Анна Романовна 20
Глава 9. Край 22
Глава 10. Кирилл 24
Глава 11. Разговор на перекрёстке 26
Глава 12. Ролик 28
Глава 13. Галерея 30
Глава 14. Квартира 32
Глава 15. Первый слой 34
Глава 16. Эксперт 36
Глава 17. Шрам 38
Глава 18. Выставка 40
Глава 19. Чужая выставка 42
Глава 20. Опись 44
Глава 21. Кирилл приходит 46
Глава 22. Лестница 48
Глава 23. Имя 51
Глава 24. Записная книжка 53
Конец ознакомительного фрагмента. 54

Подпись под краской

Кармелла Ливия

© Кармелла Ливия, 2026

ISBN 978-5-0071-6891-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Одеяло

В октябре две тысячи двадцать шестого года в Петербурге темнеет раньше, чем успеваешь дойти до мастерской.

Я стояла у окна и оттирала лак с кисти, когда в дверь позвонили. Звонок у нас старый, с дребезгом, и от него всегда вздрагивает Анна Романовна.

— Открой, Соколова.

Я открыла.

На пороге стоял Сергей Ильич — оценщик, который ходил к нам дважды в месяц и всегда пах так, будто провёл утро в винной лавке. В руках у него было что-то длинное, завёрнутое в серое одеяло.

— Принимай, — сказал он. — Осторожно. Она тяжёлая.

— Что это?

— «Осень на Мойке». Начало века. Надо посмотреть и к четвергу дать оценку.

Я взяла. Одеяло было мокрое от дождя, а под ним — дерево рамы, холодное, как подоконник.

* * *

Анна Романовна вышла из подсобки, вытирая руки.

— На пол не ставь. На стол.

Мы положили одеяло на большой стол, и Сергей Ильич развернул его так, будто снимал бинты.

Картина была небольшая, сантиметров шестьдесят на восемьдесят. На ней — река, дома, мокрая набережная и женщина с зонтом, которая шла куда-то, не глядя под ноги.

Свет был серый, ровный, без солнца. Так пишут осень, когда уже не ждут тепла.

— Красивая, — сказала Анна Романовна.

— Красивая, — согласился Сергей Ильич. — И дорогая, если подлинник.

* * *

Он ушёл через десять минут, оставив бумаги.

Я не стала читать бумаги. Я взяла лупу и наклонилась над картиной.

Первое, что я почувствовала, — запах. Лак был свежее, чем должен быть у работы столетней давности. Не сильно, на волос. Но когда ты два года дышишь этим каждый день, волос чувствуется.

Второе — кракелюр. Трещинки. У старой живописи они идут мелкой сеткой, ровно, как морщинки у стариков. Здесь сетка была крупнее, и в одном месте, у самой рамы, трещины шли не в ту сторону.

Это бывает, когда холст перетягивали. Или когда писали поверх.

Третье — подпись. Угол, правый нижний. Буквы ровные, уверенные, с завитком. Я видела такую подпись в каталоге.

— Что там? — спросила Анна Романовна.

— Пока ничего, — сказала я.

И это была первая ложь за день.

* * *

Вечером мастерская опустела.

Я осталась одна, включила верхнюю лампу и накрыла картину чистой тканью.

В таких случаях положено звать руководителя, писать заявление и ждать комиссию. Я всё это знала. Знала, что если ошибусь, то буду выглядеть глупо, а если не ошибусь, то лучше бы и ошибиться.

Я сняла ткань.

Ладно, — сказала я вслух. — Посмотрим, что ты за зверь.

* * *

К девяти я поняла три вещи.

Картина написана хорошо. Очень хорошо. Так, как пишут люди, которые умеют, а не которые хотят.

Картина написана поверх чего-то.

И подпись в правом нижнем углу была не одна.

Я увидела вторую, когда поднесла лампу почти к самой раме и наклонила её под углом. Тонкая, почти стёртая линия. Другая фамилия. И уходила она под верхний слой лака.

Твою ж мать.

Я села на стул.

За окном шёл дождь, и в стекле отражалась девушка с лупой в руке — смешная, с хвостом набок, с пятном скипидара на свитере.

Такая девушка обычно не находит подписей. Такая девушка находит, что у неё закончился кофе.

— Анна Романовна, — сказала я вслух, — вы меня убьёте.

И закрыла картину тканью.

Глава 2. Бумаги

Утром Анна Романовна пила чай и смотрела на меня так, как смотрят на студента, который пришёл с гениальной идеей и плохим ответом.

— Покажи.

Я показала.

Она наклонилась над картиной, повернула лампу, потом выпрямилась.

— И?

— Кракелюр неровный. Лак свежий. И там ещё одна подпись.

— Ты уверена?

— Нет.

— Правильно, — сказала Анна Романовна. — Потому что если уверена, то уже написала заявление.

Она взяла лупу и посмотрела сама.

Долго.

— Возможно, — сказала она наконец. — Возможно, ты видишь то, чего нет. Или то, что есть.

— И что делать?

— Смотреть дальше. И молчать. Пока не поймёшь.

* * *

Бумаги от Сергея Ильича лежали на столе. Я прочла их только утром, потому что ночью мне было не до них.

Там было написано: «Осень на Мойке», неизвестный мастер круга К., начало двадцатого века. Провенанс: частное собрание, Санкт-Петербург. Владелец — Вельский.

Я перечитала фамилию.

Потом ещё раз.

Вельский. Как в новостях.

* * *

В полдень пришёл Сергей Ильич.

— Ну что? — спросил он с порога. — Порадовала?

— Скажите, кто заказчик.

— А зачем тебе?

— Затем, что я должна понимать, кому возвращать.

Он помолчал.

— Марк Вельский. Сын. Отец умер в августе, теперь всё на нём.

— Он коллекционер?

— Он наследник, — сказал Сергей Ильич. — Это разные вещи.

— И что он хочет?

— Чтобы вы дали оценку к четвергу. И чтобы всё было быстро.

* * *

Я вернулась к картине.

Анна Романовна ушла на совещание и велела «не наделать глупостей», что на её языке значило «сделай всё правильно, но не пиши бумаг».

Я включила лампу и села.

Смотри. Ты умеешь смотреть.

Я смотрела три часа.

Смотрела, как лежит краска: ровно, аккуратно, без мазков, которые остаются, когда художник работает быстро. Смотрела на грунт у кромки: он был слишком белый для начала

века. Смотрела на подпись: она была правильная, но слишком уверенная, как подпись человека, который тренировался её выводить.

А потом я перевернула картину.

На обороте холста, у самого подрамника, был штамп. Маленький, выцветший, почти незаметный: мастерская, адрес, год.

Год был тысяча девятьсот десятый.

А картина была написана позже. Лет на двадцать пять.

Я села на пол, потому что ноги стали ватными.

Значит, копия. Значит, кто-то взял холст начала века, записал его и продал как оригинал.

И этот кто-то, вероятно, был не один.

* * *

Вечером я позвонила Лере.

— Ты знаешь Вельских?

— Конечно, — сказала она. — Старик умер в августе, там коллекция на два этажа. Сын вернулся из Лондона, всё продаёт. А что?

— Ничего.

— Вера.

— Что?

— У тебя голос, как будто ты нашла труп.

Я посмотрела на картину.

— Хуже, — сказала я. — Я нашла копию.

Глава 3. Вторая подпись

Проверка занимает минуту, если знаешь, что делаешь.

Я знала. Меня учили: ватный тампон, немного растворителя, угол, о котором никто не пожалеет. Если верхний слой свежий, он сойдёт легко, как кожура.

Я выбрала место у самой рамы, где краска лежала чуть толще.

Руки дрожали. Так бывает, когда первый раз.

Не торопись. Ты не реставратор-герой из фильма. Ты студентка с тампоном.

Я прижала вату.

Лак пошёл сразу, мягко, и под ним открылась краска — темнее, чем верхняя. Я провела ещё раз, и ещё, и увидела букву.

Одну.

Потом вторую.

Через десять минут на уголке в два сантиметра было видно имя. Не то, что сверху. Другое. Короткое, с твёрдым окончанием.

Я села и посмотрела на обе подписи сразу: верхнюю, чёткую, выведенную поверх, и нижнюю, тонкую, почти съеденную временем.

Вот ты и попалась.

* * *

Я сфотографировала всё: угол, подпись, штамп, кракелюр, кромку грунта.

Потом закрыла картину, выключила лампу и села в темноте.

В мастерской было тихо, только холодильник гудел в подсобке, и дождь стучал по стеклу.

Я думала о том, что теперь делать.

Вариант первый: написать заявление. Тогда картина уйдёт на экспертизу, владелец получит бумагу, аукцион отменится, а я получу репутацию человека, который за неделю нашёл то, что другие не находили двадцать лет.

Вариант второй: промолчать. Тогда оценка будет «по верхнему слою», картина уйдёт с торгов, а я буду знать.

Вариант третий: спросить у того, кто принёс.

Я выбрала третий, хотя понимала, что он самый глупый.

* * *

Телефон зазвонил в половине одиннадцатого.

Незнакомый номер, петербургский.

— Вера Андреевна?

Голос был низкий, ровный, без пауз.

— Да.

— Марк Вельский. Я по поводу картины.

Я посмотрела на неё — на ткань, накрывавшую холст.

— Слушаю.

— Сергей Ильич сказал, что вы работаете быстро. Мне нужно, чтобы вы закончили к пятнице.

— К пятнице невозможно.

— Почему?

— Потому что я не закончила.

Пауза.

— Вера Андреевна.

— Слушаю.

— Я не люблю, когда мне говорят «невозможно», — сказал он. — Обычно это значит «не хочу».

Я засмеялась. Не от веселья.

— А я не люблю, когда мне звонят в одиннадцать вечера и говорят, что я медленная.

Тишина.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда давайте так: я приеду завтра утром и посмотрю сам.

— В мастерскую посторонним нельзя.

— Я не посторонний, — проговорил он. — Это моя картина.

И положил трубку.

* * *

Я сидела и смотрела на телефон.

Это его картина. А он даже не спросил, что я нашла.

Я взяла блокнот и записала: «Вельский. К пятнице. Не спросил про состояние».

Потом посмотрела на запись и добавила:

«Спросит завтра».

И почему-то от этого мне стало не по себе.

Глава 4. Вельский

Он пришёл в половине девятого, когда я ещё не допила кофе.

Я услышала шаги на лестнице и почему-то сразу поняла, что это он. Не потому, что был ранний час, а потому, что шаги были ровные: человек шёл, не торопясь и не оглядываясь.

— Вера Андреевна?

— Да.

Он был высокий, в чёрном пальто, с мокрыми от дождя волосами. На подбородке — тонкий шрам, старый, почти незаметный. Смотрел прямо, без улыбки.

— Марк Вельский.

— Проходите.

Он вошёл и остановился посреди мастерской, оглядываясь.

Вот сейчас ты посмотришь на столы, на банки, на тряпки, и скажешь что-нибудь про «атмосферу».

— Здесь пахнет скипидаром, — сказал он.

— Это мастерская.

— Я думал, пахнет краской.

— Краска пахнет, только когда свежая. У нас всё старое.

Он чуть наклонил голову.

— Логично.

* * *

Картина лежала на столе под тканью.

— Можно?

— Можно.

Он снял ткань сам, аккуратно, за два угла, и я вдруг поняла, что он делал это раньше. Так снимают люди, которым не нужно объяснять, что такое холст.

Он смотрел долго.

— Красиво, — сказал он.

— Да.

— Отец её любил.

— Почему?

— Не знаю, — проговорил он. — Он её купил в семьдесят четвёртом и никому не показывал.

Я запомнила год.

Семьдесят четвёртый. Надо будет посмотреть бумаги.

* * *

— Сколько времени вам нужно? — спросил он.

— Неделя.

— Три дня.

— Невозможно.

Он обернулся.

— Вера Андреевна, я плачу не за неделю. Я плачу за три дня.

— Тогда вам нужен другой реставратор.

Тишина.

— Хорошо, — сказал он. — Четыре дня. Но в пятницу я забираю.

Я смотрела на него.

Он торгуется, как будто я продаю картошку.

— В пятницу, — сказала я. — Но с одним условием.

— С каким?

— Вы не будете приходить каждый день и спрашивать, готово ли.

Он посмотрел на меня внимательнее.

— А вы не будете говорить «невозможно», когда это «не хочу».

— Договорились.

* * *

Он уже надевал пальто, когда остановился.

— Вера Андреевна.

— Да.

— Вы ведь что-то нашли.

Я замерла.

— Почему вы так решили?

— Потому что вы не смотрите на картину, — сказал он. — Вы смотрите на меня и ждёте, когда я уйду.

Тишина стала плотной.

— Что вы нашли? — спросил он.

Я могла соврать. Могла сказать «пока ничего». Это было бы логично, безопасно и, главное, правильно: сначала комиссия, потом владелец.

Я не соврала.

— Вторую подпись, — сказала я.

Он не изменился в лице. Только рука, державшая воротник, замерла.

— Покажите.

Глава 5. Подпись

Я подвела его к столу и включила лампу.

— Смотрите под углом. Вот здесь, у рамы.

Он наклонился. Слишком близко, но я не отступила.

— Видите линию? Она светлее.

— Вижу.

— Это буквы. Я сняла лак на маленьком участке. Под верхней подписью есть нижняя.

Он молчал.

— Другая фамилия, — сказала я. — И штамп мастерской на обороте. Тысяча девятьсот десятый год.

— И что это значит?

— Это значит, что холст старый, а живопись на нём — поздняя. Лет на тридцать позже.

Я ждала, что он начнёт спорить. Что скажет «вы ошиблись», «этого не может быть», «позовите руководителя».

Он сказал:

— Значит, копия.

* * *

Я села на стул.

— Вы даже не удивились.

— Удивился.

— Не похоже.

Марк выпрямился.

— Вера Андреевна, у меня в собрании триста работ. Отец покупал всю жизнь, часто без экспертизы. Я не удивляюсь, я считаю.

— И сколько таких?

— Я не знаю.

Он сказал это ровно, но я увидела, как он поправил лампу на столе — просто поправил, хотя она стояла ровно.

Вот. Первое, что он делает руками, когда не хочет отвечать.

* * *

— Кто ещё знает? — спросил он.

— Пока только я.

— Анна Романовна?

— Она видела кракелюр. Но не подпись.

Он кивнул.

— Хорошо.

— Что «хорошо»?

— То, что пока только вы.

* * *

Я встала.

— Марк… — я запнулась, потому что обращаться по имени было рано, но по отчеству уже не хотелось. — Марк Сергеевич.

— Марк.

— Хорошо. Марк, что вы собираетесь делать?

— То, за чем пришёл, — сказал он. — Оценку. К пятнице.

— Вы понимаете, что я не могу написать «оригинал»?

— Можете написать «по состоянию верхнего слоя».

— Это ложь.
— Это формулировка.
Тишина.
— Нет, — сказала я.
* * *
Он смотрел на меня долго.
— Вера Андреевна.
— Слушаю.
— Вы знаете, сколько стоит эта картина на аукционе?
— Нет.
— Четыре миллиона, — сказал он. — Примерно.
Я села обратно.
— И вы хотите, чтобы я за четыре дня сделала вид, что всё в порядке?
— Я хочу, чтобы вы сделали свою работу, — проговорил он. — А решать буду я.
— А если я откажусь?
Он помолчал.
— Тогда я найду другого.
— Найдите.
Он взял пальто.
— До пятницы, — сказал он и вышел.
* * *
Я просидела в мастерской ещё час, глядя на картину.
Четыре миллиона. И человек, который говорит «решать буду я».
Телефон завибрировал.
Лера.
— Ну что там у тебя? — спросила она. — Ты вчера была как на похоронах.
Я посмотрела на закрытую тканью картину.
— Лера.
— Да?
— Если я скажу тебе одну вещь, ты сможешь молчать?
Пауза.
— Ты меня знаешь, — сказала Лера. — Я молчу максимум до ужина.

Глава 6. Четыре миллиона

Лера приехала через час.

Она вошла, стряхнула зонт, посмотрела на закрытую тканью картину и сказала:

— Ну.

— Что «ну»?

— Ты позвонила мне голосом человека, который нашёл труп. Я приехала.

Я сняла ткань.

Лера долго смотрела.

— Красиво.

— Ты повторяешь.

— Потому что красиво.

Она подошла ближе.

— И что не так?

— Кракелюр не тот. Лак свежее. И под подписью есть вторая.

Лера обернулась.

— Ты уверена?

— Я сняла лак на уголке.

— Господи.

Она села на стул — на тот самый, где утром сидел Вельский, и я вдруг поймала себя на мысли, что стул слишком часто используется.

— И кто владелец?

— Вельский.

— Тот, из новостей?

— Сын.

— Старик умер в августе, там коллекция на два этажа, — сказала Лера. — Сын вернулся и всё распродаёт. Мне писали из галереи.

— Слушай, — сказала я. — Это пока между нами.

— Я поняла.

— Я серьёзно.

— Я поняла, — повторила Лера. — Но ты же понимаешь, что если это правда, то это не просто картина.

— А что?

— Это скандал, — сказала она. — И он будет большим.

* * *

Я налила нам кофе. Мастерская в такое время выглядела странно: столы, банки, тряпки, и среди всего этого — женщина с зонтом на холсте, которая шла куда-то, не глядя под ноги.

— Сколько она стоит? — спросила Лера.

— Четыре миллиона. Примерно.

— И он хочет продать её в пятницу?

— В пятницу он хочет оценку. Аукцион позже.

Лера покачала головой.

— А ты?

— А я не знаю.

— Это значит «знаю, но боюсь».

Я посмотрела на неё.

— Ты слишком хорошо меня читаешь.

— Я два года живу с тобой в одной комнате, — сказала она. — Я знаю, как ты считаешь.

* * *

— Вера.

— Говори.

— Ты понимаешь, что если ты напишешь правду, то тебя, скорее всего, выгонят?

— Почему?

— Потому что ты работаешь в мастерской, у которой есть договоры, гранты и важные люди. И если ты скажешь, что картина из их списка — копия, то кому-то будет очень неприятно.

Я смотрела в чашку.

— А если я промолчу?

— Тогда твоя совесть.

— Я не про совесть, — сказала я. — Я про то, что тогда я буду знать.

Лера помолчала.

— Знаешь, что самое неприятное?

— Что?

— Ты уже знаешь, — сказала она. — Просто ещё не решила.

* * *

Она ушла в одиннадцать.

Я осталась в мастерской, хотя должна была ехать в общежитие.

Четыре миллиона.

Я сняла ткань и включила лампу.

Женщина с зонтом смотрела в сторону.

— Ты ведь не подделка, — сказала я вслух. — Ты просто другая картина.

И мне показалось, что она улыбнулась.

Глава 7. Бумаги отца

Он пришёл на следующее утро без звонка.

Я открыла дверь и не сразу поняла, что не так. Потом поняла: он был в том же пальто, с теми же мокрыми волосами, и держал в руке папку.

— Доброе утро.

— Доброе.

— Я принёс документы.

— Какие?

— Провенанс, — сказал Марк. — Всё, что есть. Договоры, чеки, письма.

Я отступила.

— Проходите.

* * *

Папка была старая, с потёртыми углами. Он положил её на стол и раскрыл.

— Семьдесят четвёртый год. Это когда отец её купил.

Я смотрела на бумаги.

Договор купли-продажи, написанный на машинке. Чек. Письмо — короткое, от продавца, с адресом.

— Он покупал у частного лица?

— Да.

— За сколько?

— Двенадцать тысяч.

Я подняла голову.

— Рублей?

— Рублей, — сказал Марк. — Для семьдесят четвёртого это были большие деньги.

— И он не проверял?

— Он всегда проверял.

Тишина.

— Значит, — сказала я медленно, — он знал.

Марк не ответил.

* * *

Я села и стала читать.

Письмо было на две трети страницы, ровным почерком, без исправлений. Продавец писал, что картина досталась ему от родственника, что родственник работал в мастерской и «делал вещи для души».

— «Для души», — прочла я вслух.

— Это значит «копии», — сказал Марк.

— Я знаю, что это значит.

Он помолчал.

— Вера Андреевна.

— Что?

— Отец купил её, зная.

— Почему?

— Не знаю.

— Он вам не говорил?

— Он вообще мало говорил.

* * *

Я отложила письмо.

— Марк.

Он поднял глаза.

— Если он знал, то зачем держал её на стене?

— Она ему нравилась.

— Четыре миллиона, а он держал её, потому что нравилась?

— Может быть, — сказал он. — А может, для того, чтобы помнить, что можно ошибиться.

Я смотрела на него.

Он говорит это так, будто сам в это не верит.

— Вы поэтому хотите продать её молча?

— Я хочу закрыть долги, — проговорил Марк. — Их больше, чем картина.

— Много?

— Достаточно.

* * *

Он ушёл в полдень, оставив папку.

Я перечитала письмо трижды.

«Делал вещи для души» — так писали о людях, которые умели, но не стали художниками. Которые писали чужие картины лучше, чем свои.

Я перевернула лист.

На обороте, карандашом, почти стёртым, было две строки:

«Проверять подпись. Всегда проверять подпись».

Я смотрела на них долго.

Кто это написал? Продавец — покупателю? Или отец — себе?

Я положила лист в папку и закрыла её.

Телефон завибрировал.

— Соколова, — сказала Анна Романовна. — Ты где?

— В мастерской.

— Оценку к пятнице никто не отменял.

— Я помню.

— И ещё. Мне звонили из галереи. Спрашивали про картину.

Я замерла.

— Что именно спрашивали?

— Кто её смотрит и когда будет готово, — сказала Анна Романовна. — Я сказала, что ты.

Тишина.

— Вера.

— Да.

— Ты что-то нашла?

Я посмотрела на папку.

— Нашла, — сказала я. — Но пока не знаю, что.

Глава 8. Анна Романовна

Она приехала через час, в пальто поверх халата, и это означало, что она торопилась.

— Показывай.

Я показала угол, подпись, штамп, письмо.

Анна Романовна читала молча, и лицо у неё было такое, будто она читает не письмо, а диагноз.

— Значит, семьдесят четвёртый, — сказала она.

— Значит, он знал.

— Да.

Я ждала, что она удивится.

— Анна Романовна.

— Да?

— Вы не похожи на человека, который впервые это слышит.

Она посмотрела на меня.

— Вера.

— Что?

— Я работаю здесь тридцать два года, — проговорила она. — В этом фонде семь тысяч единиц хранения. Ты думаешь, это первая копия, которую я вижу?

* * *

Я села.

— И что вы делаете, когда находят копию?

— Пишу заключение.

— И?

— И её снимают с выставки, — сказала Анна Романовна. — Или с продажи. Или не снимают.

— Почему не снимают?

— Потому что не всегда есть кому подписать.

Она сняла пальто и повесила на спинку стула.

— Вера, я тебе скажу одну вещь, и ты не будешь обижаться.

— Постараюсь.

— Ты нашла копию за два дня, — проговорила она. — А люди, которые её продают, искали годами.

— И?

— И значит, это не просто копия. Это копия, которую кто-то очень старался сделать настоящей.

* * *

— Что это значит для оценки?

— Это значит, что к пятнице ты пишешь не «оригинал» и не «подделка», — сказала Анна Романовна. — Ты пишешь то, что видишь: верхний слой поздний, под ним иная живопись, атрибуция требует экспертизы.

— И всё?

— И всё.

— А если владелец не согласится?

Она посмотрела на меня.

— Тогда он не согласится.

* * *

Я проводила её до двери.

— Анна Романовна.

— Мм?

— Вы знали про это письмо?

— Нет.

— А про отца?

Она помолчала.

— Я знала, что он покупал много и не всегда удачно, — сказала она. — Это всё.

— Почему вы мне сразу не сказали?

— Потому что студент должен сам найти, — проговорила Анна Романовна. — Иначе это не его находка.

* * *

Она ушла.

Я вернулась к столу и посмотрела на письмо.

«Проверять подпись. Всегда проверять подпись».

Я взяла лупу и поднесла к верхней подписи.

Буквы были ровные.

Слишком ровные.

Я включила лампу с боковым светом — так, чтобы краска давала тень.

И увидела.

Под верхним слоем краски шёл край.

Не подпись.

Холст.

Глава 9. Край

Край холста виден не глазами.

Его видно светом.

Я поставила лампу сбоку, почти вплотную, и наклонила её так, чтобы свет шёл вдоль поверхности. Так проверяют, ровно ли лежит краска: под наклонным лучом видно каждую неровность.

И тогда картина перестала быть картиной.

Она стала слоями.

Верхний — женщина с зонтом, река, дома. Под ним — что-то ещё: более тёмное, с другим рисунком. Край этого второго слоя шёл почти параллельно раме, и на нём виднелась полоса, где краска лежала толще.

Записали. Взяли готовый холст и записали.

Я включила вторую лампу.

Теперь было видно: под верхним слоем есть ещё один. И ещё один край — ниже, ближе к подрамнику.

Три слоя?

Я села на пол, потому что стоять было тяжело.

* * *

Утром я позвонила Анне Романовне.

— Здесь не два слоя, — сказала я. — Здесь три.

Пауза.

— Ты уверена?

— Уверена.

— Вера.

— Да.

— Тогда это не копия, — проговорила она. — Тогда это палимпсест.

* * *

Слово мне понравилось.

Палимпсест — так называли рукописи, где старое соскоблили и написали новое. В живописи то же самое: старый холст, старая живопись, поверх — новая.

— Это дороже или дешевле? — спросила я.

— Это другое, — сказала Анна Романовна. — Это значит, что под женщиной с зонтом может быть что-то, что стоит больше.

* * *

Я просидела над картиной весь день.

К вечеру я знала три вещи.

Первое: верхний слой написан в тридцатых, аккуратно, профессионально.

Второе: средний слой старше. Там другая манера: мазок жёстче, тени глубже.

Третье: в правом нижнем углу, где верхняя подпись, под ней есть ещё одна, и она не читается — затёрта.

Три художника. Один холст.

* * *

Телефон завибрировал в девять.

Марк.

— Вера Андреевна.

— Да.

— Я у мастерской.

Я посмотрела на дверь.
— Сейчас девять.
— Я знаю.
— Мы договаривались, что вы не будете приходить каждый день.
— Я не пришёл днём, — сказал он. — Я пришёл вечером.
Пауза.
— Откройте, — проговорил он. — Пожалуйста.
* * *
Я открыла.
Он стоял под дождём, без зонта, и с его пальто текло.
— Что случилось?
— Кирилл.
— Кто?
— Мой брат, — сказал Марк. — Он узнал, что вы нашли.
Я замерла.
— Откуда?
— Не знаю. Но он уже звонил оценщику.
Дождь шёл сильнее.
— Вера Андреевна.
— Что?
— Можно я войду?

Глава 10. Кирилл

Он вошёл и остановился в двух шагах от двери, не проходя дальше.
— Я не надолго.
— Вы мокрый.
— Ничего.
Я взяла полотенце — то самое, которым вытирала кисти, — и протянула ему.
— Возьмите.
Он посмотрел на полотенце, потом на меня.
— Оно с растворителем.
— Оно чистое.
Он взял.
* * *
— Что с братом? — спросила я.
Марк вытер лицо.
— Кирилл ведёт дела. Он узнал, что вы нашли вторую подпись.
— От кого?
— От оценщика. Сергей Ильич ему доложил.
Я села.
— Значит, я не успела.
— Успели, — сказал он. — Если бы он узнал в пятницу, было бы хуже.
— Что может быть хуже?
Марк помолчал.
— Он может прийти к вам сам.
* * *
— И что ему нужно?
— Чтобы картина ушла, — проговорил он. — Как есть. С оценкой «по верхнему слою».
— А вы?
— А я не знаю.
Я посмотрела на него.
— Вы не знаете?
— Я знаю, чего хочу, — сказал Марк. — Но это не то же самое, что я сделаю.
* * *
Он подошёл к столу и посмотрел на картину.
— Покажите ещё раз.
Я включила лампу с боковым светом.
— Смотрите вдоль. Видите полосы?
— Вижу.
— Это края слоёв. Здесь — тридцатые годы. Здесь — раньше.
Он наклонился.
— А здесь?
— Здесь затёртая подпись. Не читается.
Он долго молчал.
— Вера Андреевна.
— Что?
— Вы понимаете, что если это выйдет, брат потеряет всё?
— Понимаю.
— И что я тоже?

— Знаю.

Он выпрямился.

— И всё равно хотите, чтобы я сказал?

Я смотрела на него.

— Я хочу, чтобы вы решили, — сказала я. — Я не могу решить за вас. Но и врать за вас не буду.

* * *

Он ушёл в одиннадцать.

Я проводила его до двери.

— Марк.

Он обернулся.

— Мм?

— Вы сегодня не поправили лампу, — сказала я.

— Что?

— Когда вы не хотите отвечать, вы поправляете предметы на столе. Сегодня не поправили.

Он смотрел на меня.

— И что это значит?

— Что вы уже решили, — сказала я. — Только боитесь сказать вслух.

* * *

Дождь кончился к полуночи.

Я закрыла мастерскую и пошла к метро.

На полпути я поняла, что за мной идёт человек.

Не быстро, не медленно — на расстоянии.

Я ускорила шаг.

Он тоже.

У перекрёстка я обернулась.

Высокий, в тёмном пальто, похожий на Марка — но не он.

— Вера Андреевна?

— Да.

— Кирилл Вельский, — сказал он. — Нам надо поговорить.

Глава 11. Разговор на перекрёстке

Мы стояли под козырьком остановки, и мимо шли троллейбусы.

— Я не буду вас пугать, — сказал Кирилл.

— Уже начали.

— Я говорю прямо. Это редкость, цените.

Он был старше Марка, шире в плечах, и говорил иначе: быстрее, глаже, как человек, который привык, что его слушают.

— Чего вы хотите?

— Чтобы картина ушла как есть.

— С оценкой «оригинал»?

— С оценкой «по верхнему слою», — сказал он. — Это не ложь. Это профессиональная формулировка.

Я засмеялась.

— Вы второй человек за неделю, который объясняет мне, что ложь — это формулировка.

— Потому что это правда.

* * *

— Сколько? — спросил он.

— Что сколько?

— Сколько вы хотите за молчание?

Я смотрела на него.

Вот оно. Как в кино. Только в кино люди потом берут деньги, а потом их мучает совесть, и они возвращают.

— Нисколько.

— Не верю.

— Это ваша проблема.

Кирилл улыбнулся.

— Вера Андреевна, вы учитесь на четвёртом курсе, живёте в общежитии и работаете за двадцать тысяч в месяц. Я вам предлагаю то, что закрыло бы вам год жизни.

— За год жизни я как-нибудь сама заплачу.

— Как?

Я молчала.

— Вот видите, — сказал он. — Вы даже не знаете.

* * *

— Я пойду, — сказала я.

— Идите, — согласился он. — Но я скажу одну вещь.

Я остановилась.

— Марк вам сочувствует, — проговорил Кирилл. — Он такой: ему всегда жалко тех, кто попал. Отца жалел, меня жалел, вас пожалеет.

— И?

— И жалеть — это не помочь. Он не пойдёт против семьи. Он поплачет и промолчит.

— Почему вы так уверены?

— Потому что я его брат, — сказал Кирилл. — И я знаю, что он делает, когда ему страшно.

* * *

Я шла домой и думала о том, что всё это уже слышала.

В кино. В книгах. В чужих историях.

Только там всегда был кто-то, кто приходил на помощь.

Я достала телефон.
Марк ответил после третьего звонка.
— Вера Андреевна?
— Ваш брат меня ждал у метро.
Пауза.
— Он вас тронул?
— Он предложил деньги.
Тишина.
— Марк.
— Я здесь.
— Он сказал, что вы не пойдёте против семьи.
Долгое молчание.
— Он прав, — сказал Марк.
И положил трубку.

Глава 12. Ролик

Лера позвонила в семь утра.

— Ты жива?

— Сплю.

— Уже нет. Мне написал Кирилл Вельский.

Я села на кровати.

— Слушаю.

— В личку. Сказал, что мы дружим, и спросил, не хочу ли я «эксклюзив про аукцион».

— Ты серьёзно?

— Абсолютно. Он даже смайлик поставил.

Я включила свет.

— Лера, не отвечай ему.

— Я и не собиралась. Но, Вера, это значит, что он ищет каналы.

* * *

Мы встретились в кофейне у метро.

Лера пришла с ноутбуком и с таким видом, будто пришла на войну.

— Слушай сюда, — сказала она. — У меня сто двадцать тысяч подписчиков. Из них тысяч двадцать — те, кто читает про выставки и аукционы. Если я напишу, что картина на торгах — копия, это увидят все.

— Я знаю.

— И тогда ты станешь человеком, который это сказал.

— Знаю.

— И тогда тебя будут проверять.

— Лера.

— Что?

— Я не прошу тебя ничего писать.

Она закрыла ноутбук.

— А если попросишь?

— Не попрошу.

— Почему?

Я посмотрела в чашку.

— Потому что тогда это будет твой скандал, — сказала я. — А не мой.

* * *

Лера помолчала.

— Вера.

— Что.

— Ты всегда так: либо всё на себя, либо никому.

— Это плохо?

— Это одиноко.

* * *

Она ушла на выставку, а я поехала в мастерскую.

По дороге я думала о том, что она права.

Одиноко — это когда ты не хочешь никого втягивать. А втягивать — это когда ты доверяешь.

Я достала телефон и написала Марку.

«Ваш брат написал моей соседке. Он ищет, кому рассказать первым».

Ответ пришёл через минуту.

«Я знаю. Он и мне сказал».
Я остановилась посреди улицы.
«Что сказал?»
«Что если я не остановлюсь, он расскажет всё сам. В своей версии».
* * *
В мастерской меня ждала Анна Романовна.
— Оценка.
— Я помню.
— К пятнице.
— Помню.
Она смотрела на меня.
— Вера.
— Говори.
— Ты понимаешь, что тебе могут предложить работу в другом месте?
— В смысле?
— В смысле — предложить уйти, — сказала она. — Тихо. По собственному желанию.
Я села.
— И вы мне это говорите?
— Я тебе это говорю, чтобы ты не удивилась.
* * *
Вечером я не пошла домой.
Я сидела в мастерской, смотрела на женщину с зонтом и считала.
Четыре миллиона. Триста работ в собрании. Долги. Брат. Аукцион.
И одна студентка с лупой.
Я взяла телефон и написала Кириллу.
«Я не возьму деньги. Но я готова выслушать».
Ответ пришёл сразу.
«Завтра. В галерее. В шесть».

Глава 13. Галерея

Галерея была на Литейном, в доме с высокими окнами и лепниной.

В шесть там уже никого не было, кроме охранника и Кирилла.

— Вера Андреевна.

— Кирилл.

— Проходите.

* * *

Он вёл меня через зал, и я смотрела по сторонам.

На стенах висели картины: пейзажи, портреты, натюрморт с рыбой. Под каждой — табличка с именем и годом.

— Это всё из коллекции отца?

— Не всё, — сказал он. — Часть уже продана.

— За два месяца?

— За два месяца можно многое, если знать, кому.

* * *

Мы сели в кабинете.

— Я не буду вас уговаривать, — сказал Кирилл. — Я хочу вам кое-что показать.

Он достал папку.

— Что это?

— Заключение. Другое.

Я открыла.

На листе стояло: «Осень на Мойке». Копия начала двадцатого века. Оценка: сто двадцать тысяч.

— Это что?

— Это оценка, которую можно поставить, — проговорил он. — И тогда картина не пойдёт на аукцион как шедевр. Она пойдёт как копия, честно, с указанием.

— И?

— И никто не сядет. Никого не обвинят. Никакого скандала.

Я смотрела на лист.

— А отец?

— Что отец?

— Он купил копию как оригинал, — сказала я. — И держал пятьдесят лет.

— Он был коллекционер, — проговорил Кирилл. — Ошибки — часть профессии.

— А правда?

— Правда у каждого своя.

* * *

— Зачем вы мне это даёте? — спросила я.

— Чтобы вы подписали своё. С тем же выводом.

— И вы не будете платить?

— Я не говорил, что не буду.

Я положила лист.

— Кирилл.

— Да.

— Вы понимаете, что если я подпишу «копия, сто двадцать тысяч», то это будет ложь в другую сторону?

Он поднял бровь.

— Почему?

— Потому что под верхним слоем есть другая живопись, — сказала я. — И она старше. И это уже не просто копия.

* * *

Тишина.

— Вы уверены?

— Уверена.

Кирилл медленно откинулся в кресле.

— Вера Андреевна.

— Что?

— Вы понимаете, что сейчас сказали?

— Понимаю.

— Это уже не копия, — проговорил он почти шёпотом. — Это палимпсест.

— Да.

— И это значит…

Он замолчал.

— Что? — спросила я.

— Это значит, — сказал Кирилл, — что под ней может быть картина, которую искали сорок лет.

* * *

Он встал и подошёл к окну.

— Вера Андреевна.

— Да.

— Если это правда, то я вам скажу честно: это не скандал.

— А что?

— Это лотерея, — проговорил он. — И в этой лотерее у нас пока нет билета.

Глава 14. Квартира

Утром в мастерской было холодно.

Отопление не включили, и я сидела в пальто, разложив на столе фотографии: угол, подпись, край слоя, штамп.

В дверь позвонили в девять.

На пороге стоял Марк с двумя чемоданами и коробкой.

— Что это?

— Я снял квартиру наверху.

Я смотрела на него.

— Ну?

— Квартира на третьем этаже. Над мастерской.

— Я поняла. Зачем?

Он поставил коробку.

— Потому что так ближе.

* * *

— К чему ближе?

— К картине.

— Картина в мастерской, — сказала я. — А вы живёте на Фонтанке.

— Уже нет.

Молчание.

— Марк.

— Что?

— Это странно.

— Возможно.

— Это очень странно.

— Я знаю, — сказал он. — Но у меня есть причина.

* * *

Причина оказалась простой: Кирилл.

— Он вчера сказал, что займётся картиной сам, — проговорил Марк. — Если я не справлюсь.

— И?

— И я не хочу, чтобы он приходил сюда без меня.

Я села.

— Вы думаете, он может забрать картину?

— Я думаю, он может привезти своего эксперта.

* * *

Коробка оказалась с книгами.

Он поставил её в углу и выпрямился.

— Вера Андреевна.

— Да?

— Я не буду мешать. Я буду жить наверху и приходить, когда нужно.

— У нас нет «когда нужно», — сказала я. — У нас есть работа.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда работа.

* * *

К вечеру он принёс кофе.

Просто поставил на стол и отошёл.

— Что это?

— Кофе.

— Я вижу.

— Вы не пили с утра.

Я посмотрела на чашку.

— Откуда вы знаете?

— Чашка стояла на подоконнике, — проговорил Марк. — Пустая. С вечера.

* * *

Мы работали до десяти.

Я — с лупой. Он — с бумагами, разложив их на другом столе, и иногда спрашивал что-то вполголоса, и я отвечала.

В половине одиннадцатого он встал.

— Я наверх.

— Хорошо.

— Если что-то будет — стучите.

— Что может быть?

Он помолчал.

— Не знаю, — сказал он. — Но я буду слышать.

* * *

Дверь закрылась.

Я сидела и смотрела на чашку.

Он заметил, что я не пила.

Я взяла её и сделала глоток.

Кофе был сладкий.

Я не говорила, что пью с сахаром.

Глава 15. Первый слой

Работа реставратора скучна для всех, кроме самого реставратора.

Это не «взмах кистью» и не «вдохновение». Это ватный тампон, растворитель, микроскопический участок два на два сантиметра, и ты сидишь над ним четыре часа, потому что если ускориться, сойдёт краска, которую нельзя вернуть.

Я сидела с утра.

К обеду у меня онемела правая рука, а на уголке картины появился светлый квадратик — там, где верхний слой ушёл.

Под ним была фигура.

Не женщина с зонтом. Не река.

Человек в тёмном, сидящий у стола. Видны были только плечо и часть спины, но этого хватило, чтобы понять: мазок другой. Тяжелее, увереннее, с той густотой, которая бывает у людей, которые писали каждый день, а не по воскресеньям.

Я отложила тампон.

— Анна Романовна.

— Что?

— Идите сюда.

* * *

Она смотрела минут пять.

— Да, — сказала она. — Это не тридцатые.

— А что?

— Не знаю. Но это не копия.

— А что?

Она выпрямилась.

— Вера, я тебе скажу одну вещь, и ты не будешь прыгать.

— Не буду.

— Возможно, — проговорила Анна Романовна, — мы нашли неизвестную работу.

Тишина.

— Чью?

— Не знаю. Но если под этой датой — а под ней начало века — лежит фигура в такой манере, то это может быть кто-то из круга.

— Из какого круга?

Она помолчала.

— Из того, чьи работы стоят не четыре миллиона, — сказала она. — А двадцать.

* * *

Я села на стул.

— Двадцать?

— Двадцать. Может, тридцать.

— Это если подтвердится.

— Да.

— А если нет?

— Тогда это будет талантливая копия, — сказала Анна Романовна. — И сто двадцать тысяч.

* * *

Вечером пришёл Марк.

Он вошёл без стука — теперь у него был свой ключ, и это раздражало меня сильнее, чем следовало.

— Что-то нашли?

— Да.

Я показала квадратик.

Он наклонился, и я снова почувствовала запах: шерсть, дождь, чуть-чуть кофе.

— Кто это?

— Человек за столом. Похоже, мужчина.

— А почему он в тёмном?

— Потому что так писали.

Он поднял глаза.

— Вера Андреевна.

— Мм?

— Вы понимаете, что теперь мы не можем её продавать?

Я смотрела на него.

Мы.

— Понимаю.

— И что брат придёт в ярость?

— Знаю.

Он выпрямился.

— Хорошо.

— Что «хорошо»?

— То, что вы понимаете, — сказал Марк. — Значит, не отступите.

* * *

Он ушёл наверх, а я осталась.

В мастерской пахло растворителем, и лампа гудела.

Я смотрела на светлый квадратик и думала о том, что под этой картиной, возможно, лежит чья-то жизнь.

Человек за столом. Кто ты?

Я взяла лупу.

И в этот момент в дверь позвонили.

Не Марк — у него был ключ.

Я открыла.

На пороге стоял незнакомый мужчина в очках, с чемоданчиком.

— Вера Андреевна?

— Да.

— Меня прислал Кирилл Вельский, — сказал он. — Я эксперт. Мне нужно посмотреть картину.

Глава 16. Эксперт

— В мастерскую нельзя, — сказала я.

— У меня разрешение владельца.

— У меня правила фонда.

Мужчина в очках посмотрел на меня поверх них.

— Вера Андреевна, я сорок лет работаю с частными собраниями. Давайте без формальностей: я посмотрю, скажу своё мнение, и мы разойдёмся.

— Кто вы?

— Григорий Львович. Эксперт по живописи начала века.

Он сказал это так, будто имя должно было всё объяснить.

* * *

Из-за спины раздался голос:

— Никто ничего не смотрит.

Марк спускался по лестнице.

Львович обернулся.

— Марк Сергеевич.

— Григорий Львович.

— Ваш брат мне звонил.

— Я догадался.

* * *

Они стояли друг напротив друга — двое в тёмном, и между ними открытая дверь мастерской.

— Вы понимаете, что у меня есть право?

— Есть, — сказал Марк. — Только не сегодня.

— Почему?

— Потому что сегодня суббота, и фонд закрыт.

Львович помолчал.

— Марк Сергеевич.

— Григорий Львович.

— Вы делаете ошибку.

— Возможно.

— Ваш брат будет недоволен.

— Мой брат всегда недоволен, — проговорил Марк. — Это его способ жить.

* * *

Львович ушёл, и я закрыла дверь.

Обернулась.

— Спасибо.

— Не надо.

— Надо.

Он смотрел на меня.

— Вера Андреевна, я не защищал вас. Я защищал картину.

— Разве это не одно и то же?

— Нет.

* * *

Мы вернулись в мастерскую.

— Он вернётся, — сказала я.

— Вернётся.

— С бумагой?

— С бумагой, — проговорил Марк. — И с братом.

Я села.

— И что тогда?

— Тогда я скажу то, что должен был сказать давно.

— Что именно?

Он не ответил.

* * *

— Марк.

— Что?

— Вы понимаете, что мы сейчас сидим на чужой картине, под которой, возможно, чужая работа, и решаем, кто первый об этом скажет?

Он усмехнулся.

— Понимаю.

— И вам не смешно?

— Мне страшно, — сказал он.

* * *

Я впервые услышала от него это слово.

— Почему?

— Потому что если это правда, — проговорил Марк, — то мой отец пятьдесят лет держал на стене чужое открытие.

— И?

— И я не знаю, что мне с этим делать.

Он сел на стул у стены.

— Я всю жизнь считал, что он был осторожный. Что он всё проверял. Что он не мог ошибиться.

— А теперь?

— А теперь я думаю, что он знал, — сказал Марк. — И молчал.

* * *

Я смотрела на него.

Вот оно. Не про деньги. Про отца.

— Марк.

— Слушаю.

— Почему вы не спросите у матери?

Он поднял голову.

— У матери?

— Она жива?

— Жива.

— Она знала его лучше, чем вы.

Он долго молчал.

— Я не разговариваю с матерью.

— Почему?

— Это длинная история.

— У нас есть время, — сказала я. — Пока не пришёл эксперт.

Глава 17. Шрам

Он рассказал не всё.

Так всегда бывает: человек начинает с «это длинная история», а заканчивает на середине, потому что середина — это уже слишком.

— Мать уехала, когда мне было четырнадцать, — сказал Марк. — Не из-за отца. Из-за коллекции.

— Как это?

— Она говорила, что он любит вещи больше людей.

— А он?

— Он говорил, что вещи не предают.

Тишина.

— И кто был прав?

— Оба, — проговорил он. — В том и беда.

* * *

— А вы?

— Что я?

— Вы на чьей стороне?

Марк посмотрел на меня.

— Я уехал в двадцать.

— Куда?

— В Лондон. Учился, потом работал.

— Почему не вернулись раньше?

— Потому что здесь всё было его, — сказал он. — Каждая комната, каждая стена. Я не мог.

* * *

Я налила нам чаю — в мастерской нашлась кружка, вторая была моя.

— А шрам? — спросила я.

— Какой?

— На подбородке.

Он провёл по нему пальцем, как будто только сейчас вспомнил.

— Упал.

— Не похоже.

— Почему?

— Потому что он ровный, — сказала я. — Так не бывает от падения.

Марк помолчал.

— От падения с лестницы, — проговорил он. — В четырнадцать. Я нёс отцовскую вазу.

— И?

— И разбил её.

— А он?

— Он ничего не сказал, — сказал Марк. — Он поднял осколки и ушёл в кабинет.

— И всё?

— И всё.

Я смотрела на него.

— Вам было четырнадцать.

— Да.

— И вы ждали, что он скажет.

— Я ждал, что он закричит.

* * *

Он поставил чашку.

— Вера Андреевна.

— Что?

— Я вам рассказал больше, чем брату за десять лет.

— Почему?

Он помедлил.

— Потому что вы не жалеете.

— Как это?

— Вы слушаете и не делаете лицо, — проговорил Марк. — А большинство делает лицо.

* * *

Я засмеялась — первый раз за день.

— Это комплимент?

— Это факт.

— Ладно, — сказала я. — Тогда тоже факт: я вам не верю.

Он поднял бровь.

— Говори.

— Вы сказали, что уехали, потому что не могли. Это правда. Но не вся.

Молчание.

— А какая вся?

— Та, — сказала я, — что вы вернулись, чтобы продать. И вам стыдно.

* * *

Он долго молчал.

— Вера Андреевна.

— Что?

— Вы очень неприятный человек.

— Я реставратор, — сказала я. — Я вижу то, что под слоем.

* * *

Он ушёл наверх в полночь.

Я осталась убирать.

И только тогда поняла, что весь вечер не думала о картине.

О нём.

Я остановилась с тряпкой в руке.

О чём ты думаешь, Соколова?

И честно ответила себе: не о работе.

Глава 18. Выставка

Стас позвонил в среду.

— Соколова, ты идёшь?

— Куда?

— Выставка. В «Эрарте». Начало века, между прочим. Твоя тема.

Я листала билеты в метро другой рукой.

— Стас, у меня работа.

— У тебя всегда работа.

— Потому что у меня всегда работа.

Он засмеялся.

— Вера, ну серьёзно. Там будет Голицын, он читает курс по атрибуции. Тебе же полезно.

Это было правдой.

— Во сколько?

— В семь. Я заеду.

* * *

Марк услышал.

Он стоял у стола с бумагами и не поднимал головы, но я видела, как он замер на середине строки.

— Кто это? — спросил он, когда я положила трубку.

— Однокурсник.

— Понятно.

— Что понятно?

— Ничего, — сказал он. — Идите.

* * *

Я собиралась у зеркала в подсобке.

Лера сидела на подоконнике и болтала ногами.

— Ты чего нервничаешь?

— Я не нервничаю.

— Ты переодевалась три раза.

— Потому что у меня нет нормальной одежды.

— У тебя есть платье.

— Оно для защиты диплома.

— Значит, для выставки сойдёт.

* * *

Она помолчала.

— Вера.

— Ну?

— А он идёт?

— Кто?

— Не притворяйся.

Я посмотрела на неё в зеркало.

— Не знаю. Он не говорил.

— А ты не пригласила.

— А зачем?

Лера вздохнула.

— Ты невозможная.

* * *

Стас ждал у входа, в пальто и с двумя билетами.

Он был хороший: добрый, весёлый, всегда рядом. Мы учились вместе четыре года, и он три раза приглашал меня в кино, и три раза я говорила, что занята.

— Готова?

— Готова.

* * *

В зале было тепло и людно.

Я смотрела на картины и почти забыла, зачем пришла.

— Смотри, — сказал Стас. — Вот эта. Начало века, неизвестный мастер.

Я подошла.

Пейзаж: река, деревья, серое небо.

И мазок.

Тот самый мазок: тяжёлый, уверенный, с густотой.

Я стояла и смотрела, а в голове было одно слово.

Тот же.

* * *

— Вера?

— Что?

— Ты побледнела.

— Ничего.

— Тебе плохо?

— Стас, — сказала я. — Извини. Мне надо посмотреть табличку.

Я подошла ближе.

«Неизвестный художник. Начало двадцатого века. Из частного собрания».

Из частного собрания.

Я достала телефон и набрала Марка.

Он ответил сразу.

— Вера Андреевна?

— Вы сейчас где?

— В мастерской.

— Приезжайте, — сказала я. — В «Эрарту».

Пауза.

— Что случилось?

— Кажется, — проговорила я, — я нашла вашего художника.

Глава 19. Чужая выставка

Он приехал через двадцать минут.

Я стояла у стены и делала вид, что рассматриваю картину, а на самом деле считала мазки.

— Где? — спросил он, подойдя.

— Здесь.

Марк встал рядом.

Смотрительница посмотрела на нас, но ничего не сказала: люди в галерее привыкли, что кто-то стоит слишком близко к полотнам.

— Видите? — проговорила я. — Вот здесь, у воды. Мазок положен одним движением, без растушёвки. И здесь.

— Вижу.

— А теперь вспомните нашу.

Он молчал.

— Тот же человек, — сказала я. — Я почти уверена.

— «Почти» — это сколько?

— Восемьдесят процентов.

* * *

Он отошёл на шаг и посмотрел на табличку.

«Неизвестный художник. Начало двадцатого века. Из частного собрания».

— Из частного, — проговорил Марк.

— Из чьего?

— Не написано.

— Спросите.

Он посмотрел на меня.

— У кого?

— У смотрительницы. У куратора. У кого угодно.

* * *

Куратор оказалась женщиной лет сорока, в очках и с планшетом.

— Эта работа? — Она сверилась. — Из собрания Щербатовых. Передана в этом году.

— Насовсем?

— Нет. Временное хранение. Владелец хотел, чтобы её показали.

— Кто владелец?

Она помолчала.

— Это закрытая информация.

Марк шагнул вперёд.

— Меня зовут Марк Вельский. Я владелец собрания, из которого эта работа могла прийти.

Куратор посмотрела на него внимательнее.

— Вельский?

— Да.

— Тогда вы должны знать, — сказала она, — что владелец — Кирилл Вельский. Ваш брат.

* * *

Мы вышли на улицу.

Было холодно, и дождь висел в воздухе, не падая.

— Он передал её сюда, — сказала я.

— Передал.

— Зачем?

Марк молчал.

— Он знал, что я приду на выставку?

— Нет.

— Откуда вы знаете?

— Потому что он не знает, что вы ходите на выставки, — проговорил он. — Он знает про картину. Всё остальное — нет.

* * *

Я села на холодную скамейку.

— Марк.

— Да?

— Если эта работа из вашего собрания, то она должна быть в описи.

— Должна.

— Значит, мы можем найти её в бумагах.

Он сел рядом.

— Вера Андреевна.

— Что?

— Вы понимаете, что делаете?

— Мм?

— Вы ищете имя художника, — сказал он. — А найдёте скандал.

* * *

— Мне не нужен скандал.

— Всем нужен, — проговорил Марк. — Просто не все признаются.

Я посмотрела на него.

— А вам?

— Мне нужен ответ, — сказал он. — Что мой отец держал на стене пятьдесят лет.

* * *

Телефон завибрировал.

Марк посмотрел на экран и не взял.

— Кто?

— Кирилл.

— Ответьте.

— Зачем?

— Затем, что он уже знает, — сказала я. — Иначе не передал бы картину в галерею.

Марк взял трубку.

— Да.

Я слышала голос, но не слова.

— Нет, — сказал он. — Я не приеду.

Пауза.

— Потому что я не один.

Он посмотрел на меня.

— Хорошо, — проговорил он. — Приезжай сам.

Глава 20. Опись

В мастерской мы разложили на двух столах всё, что было.

Папка отца. Письма. Чеки. Опись собрания — тонкая тетрадь, написанная от руки, где под номерами шли названия: «Пейзаж», «Портрет», «Натюрморт с рыбой».

Мы искали два часа.

Потом я нашла.

— Марк.

— Слушаю.

— Номер сто двенадцать.

Он подошёл.

В описи было написано: «Осень на Мойке. Неизвестный мастер. Копия с утраченного. 1930-е. Куплена 12.04.1974. Не выставлять».

Я посмотрела на него.

— «Не выставлять».

— Вижу.

— И «копия с утраченного».

— Тоже вижу.

— Он знал, — сказала я. — Он всё знал.

* * *

Марк сел.

— Не выставлять, — повторил он. — Он не хотел, чтобы её кто-то видел.

— Почему?

— Не знаю.

— А если, — проговорила я медленно, — он не хотел, чтобы кто-то увидел не женщину с зонтом?

Он поднял голову.

— Что?

— А то, что под ней.

* * *

— Вы думаете, он знал и про второй слой?

— Я думаю, — сказала я, — что человек, который пишет «копия с утраченного», знает, что именно утрачено.

Тишина.

— Тогда почему он не сказал?

— А вы бы сказали? — спросила я. — Здравствуйте, я пятьдесят лет держал на стене чужое открытие и молчал?

* * *

Я взяла опись и перелистнула назад.

Номер сто одиннадцать был «Пейзаж», сто тринадцать — «Портрет женщины».

— Странно.

— Говори.

— Номера идут, но между ними у всех есть автор, — проговорила я. — «Пейзаж. К. Журавский». «Портрет. Неизвестный». А здесь просто «неизвестный мастер».

— И?

— И это значит, что он не искал, — сказала я. — Он не пытался узнать.

* * *

Марк встал и подошёл к окну.

— Вера Андреевна.
— Что?
— Вы слышите, как вы говорите?
— Как?
— Как человек, который обвиняет.
Я замолчала.
— Я не обвиняю, — сказала я. — Я рассказываю, что вижу.
— Вы видите плохое.
— Я вижу неправду, — проговорила я. — Это разное.
* * *
Он долго молчал.
— Хорошо, — сказал он. — Что вы предлагаете?
— Найти имя.
— Как?
— По манере. По мастерской. По штампу на обороте.
Марк вернулся к столу.
— И сколько это займёт?
— Не знаю. Неделю. Может, две.
— А аукцион?
— Аукцион через три недели.
Он смотрел в опись.
— Вера Андреевна.
— Да.
— Если мы найдём имя, и это будет кто-то, чьи работы стоят двадцать миллионов, — проговорил он. — Вы понимаете, что тогда я не смогу её продать?
— Понимаю.
— И что брат меня убьёт?
— Знаю.
Он поднял глаза.
— И вы всё равно хотите искать?
— Хочу, — сказала я. — Не потому, что хочу вам плохого. А потому, что так нельзя.
* * *
Он закрыл тетрадь.
— Тогда ищем.
И в этот момент в дверь позвонили.
Громко, три раза подряд, как звонят люди, которые не боятся, что их не пустят.

Глава 21. Кирилл приходит

Он вошёл, не снимая пальто.

— Я так и знал.

— Кирилл.

— Знал, что вы тут устроите штаб, — сказал он. — Бумаги, лупы, экспертизы.

Он посмотрел на столы.

— И опись.

* * *

Марк шагнул вперёд.

— Ты пришёл поговорить или поругаться?

— Поговорить.

— Тогда сними пальто.

Кирилл снял — резко, как снимают, когда хотят показать, что делают одолжение.

— Хорошо, — сказал он. — Говорим.

* * *

— Что ты передал в «Эрарту»? — спросил Марк.

— Картину.

— Зачем?

— Затем, что её надо показывать, — проговорил Кирилл. — Пока о ней не начали шептаться.

Я смотрела на них.

Братья были похожи: те же плечи, тот же профиль, те же тёмные волосы. И разные: у Марка — сдержанность, у Кирилла — скорость.

— Кирилл, — сказала я.

Он обернулся.

— Вера Андреевна.

— Я нашла в описи запись.

— Какую?

— «Копия с утраченного. Не выставлять».

Тишина.

— И что? — проговорил он.

— И то, что ваш отец знал.

* * *

— Знал, — сказал Кирилл. — И что?

Я замерла.

— Вы не удивлены.

— Я не удивлён, потому что я в этом доме вырос, — проговорил он. — Отец покупал то, что ему нравилось. Он не отчитывался.

— И вам не важно?

— Мне важно, чтобы этого не было в газетах.

* * *

Марк смотрел на брата.

— Кирилл.

— Ну?

— Ты понимаешь, что там, под верхним слоем, может быть другое полотно?

— Понимаю.

— И что если оно есть, то это не копия, а находка?

— Знаю.

— Тогда почему ты против?

Кирилл усмехнулся.

— Потому что находки, — сказал он, — требуют денег.

* * *

— Каких денег?

— Таких, — проговорил Кирилл. — Экспертиза. Реставрация. Оформление. Хранение. Полтора года судов, если появятся наследники.

Он посмотрел на Марка.

— А у нас долг восемь миллионов.

Тишина.

— Восемь? — переспросила я.

— Восемь, — сказал Кирилл. — И аукцион — единственная возможность его закрыть.

* * *

Марк медленно сел.

— Ты мне говорил про три.

— Я тебе говорил про три, — согласился Кирилл. — Потому что не хотел, чтобы ты бросил Лондон.

— А теперь?

— А теперь ты здесь, — сказал он, — и всё равно не помогаешь.

* * *

Я стояла между ними и понимала, что должна молчать.

Не получилось.

— Кирилл.

Он повернулся ко мне.

— Что?

— Если вы правда хотите закрыть долг, — сказала я, — то находка стоит дороже, чем копия.

— Если подтвердится.

— Тогда давайте подтвердим.

Он смотрел на меня долго.

— Вера Андреевна.

— Да?

— Вы понимаете, что если не подтвердится, то я потеряю всё?

— Понимаю.

— И всё равно предлагаете рискнуть?

— Я предлагаю проверить, — проговорила я. — Разница в том, что вы уже решили, а я ещё нет.

* * *

Он надел пальто.

— Ладно.

— Ладно? — переспросил Марк.

— Ладно, — сказал Кирилл. — Проверяйте. Две недели.

Он пошёл к двери и обернулся.

— Но если через две недели ничего не будет, — проговорил он, — картина уйдёт с торгов как есть. И тогда, Вера Андреевна, я расскажу всем, откуда взялась экспертиза.

— Откуда?

— Из мастерской, где студентка подрабатывает, — сказал он. — И где ей платят двадцать тысяч.

Глава 22. Лестница

После него остался запах дорогого парфюма и тишина.

Марк сидел за столом, глядя в опись.

— Восемь миллионов, — сказал он.

— Я слышала.

— Я не знал.

— Он сказал, что скрыл.

— Он сказал, — согласился Марк. — А я поверил.

* * *

Я села напротив.

— Что теперь?

— Не знаю.

— Вы будете искать?

Он поднял голову.

— А вы?

— Буду.

— Почему?

— Потому что иначе я всю жизнь буду думать, что могла.

* * *

Он долго молчал.

— Вера Андреевна.

— Что?

— Я вам не платил.

— Я знаю.

— И не заплачу.

— Знаю.

— Тогда почему вы это делаете?

Я смотрела на него.

— Потому что мне двадцать один год, — сказала я, — и я хочу быть человеком, который не врёт, даже когда это дорого.

* * *

Он встал.

— Я пойду наверх.

— Идите.

Он дошёл до двери и остановился.

— Вера Андреевна.

— Мм?

— У вас есть кофе?

* * *

Мы сидели на лестнице, на холодных ступеньках, между третьим и вторым этажом.

Он держал чашку двумя руками, хотя она уже остыла.

— В Лондоне я жил один, — проговорил он. — Семь лет.

— И?

— И это было проще.

— Чем?

— Чем здесь, — сказал Марк. — Здесь всё про кого-то. Про отца, про брата, про картины.

— А в Лондоне?

— В Лондоне я был просто человек, который работает.

* * *

— Почему вернулись?

— Потому что он умер.

— И?

— И я подумал, что если не вернусь, то буду всю жизнь разбирать его вещи по фотографиям.

* * *

Он поставил чашку.

— Вера Андреевна.

— Что?

— Вы всё время называете меня по отчеству.

Я замерла.

— А вы меня тоже.

— Я знаю.

* * *

Тишина.

— И что мы будем с этим делать? — спросила я.

Он посмотрел на меня.

— Не знаю.

— Это ваш любимый ответ.

— Он честный.

— Он трусливый.

* * *

Марк чуть наклонил голову.

— Вы правы.

— Я знаю.

— Тогда давайте по-другому.

— Как?

Он протянул руку и коснулся моего рукава — просто коснулся, чуть выше запястья, и это было так неожиданно, что я не отстранилась.

— Меня зовут Марк, — сказал он. — Не Марк Сергеевич.

— А меня Вера.

— Я знаю.

— Тогда зачем?

— Затем, что хочу услышать, как вы это скажете.

* * *

Я смотрела на его руку.

Он держит мой рукав. И ждёт.

— Марк, — сказала я.

Он выдохнул.

— Спасибо.

— Не за что.

* * *

Он наклонился ближе.

Я слышала, как он дышит, и чувствовала запах кофе и мокрой шерсти, и лестница вдруг стала очень маленькой.

— Вера.

— Слушаю.

— Если я сейчас это сделаю, вы не убежите?
— Не знаю, — сказала я честно.
Он засмеялся.
— Хорошо. Тогда не буду.
— Почему?
— Потому что «не знаю» — это «нет, но не сейчас».
* * *
Он отстранился.
И в этот момент зазвонил телефон.
Анна Романовна.
— Соколова, — сказала она. — Приезжай в фонд. Срочно.
— Что случилось?
— Я нашла в архиве имя, — проговорила она. — И тебе оно не понравится.

Глава 23. Имя

В фонде пахло пылью и старым картоном.

Анна Романовна сидела за столом, и перед ней лежала книга — толстая, в твёрдом переплёте, с потёртым корешком.

— Смотри.

Я села.

Книга была каталогом выставки тысяча девятьсот тринадцатого года.

— Я искала по манере, — сказала она. — Потом по мастерским. Потом по штампу.

— И?

Она открыла страницу.

— Вот.

На странице была репродукция: река, дома, женщина с зонтом.

Я замерла.

— Это она.

— Это другая работа, — проговорила Анна Романовна. — Но рука та же.

* * *

Подпись гласила:

«Ковалёв Пётр Ильич. 1881—1937. Петербург».

— Ковалёв, — повторила я.

— Он писал сценки, — сказала Анна Романовна. — Город, рынки, набережные. Работал много, продавал дёшево. В тридцать седьмом его не стало.

— Как?

— Не спрашивай.

* * *

Я листала каталог.

— И что, его работы пропали?

— Большей частью, — проговорила Анна Романовна. — Он писал на холстах, которые брал где придётся. Мастерские перепродавали их, потом записывали поверх. Так бывает.

— То есть его картина может быть под чужой?

— Может.

Я подняла голову.

— И это уже было?

— Что?

— Что под чужой работой находили Ковалёва?

Анна Романовна помолчала.

— Дважды, — сказала она. — В шестидесятых и в восьмидесятых. Обе работы сейчас в частных собраниях.

* * *

— Сколько они стоят?

— Не как Рембрандт, — сказала она. — Но и не сто двадцать тысяч.

— Сколько?

— От полутора до трёх миллионов.

* * *

Я откинулась на стуле.

— Три миллиона.

— При подтверждении.

— А если не подтвердится?

— Тогда — копия неизвестного мастера, — проговорила Анна Романовна. — Сто двадцать тысяч, как тебе и говорили.

* * *

Я смотрела на репродукцию.

— Анна Романовна.

— Говори.

— Вы понимаете, что теперь всё зависит от экспертизы?

— Понимаю.

— И что Кирилл Вельский дал нам две недели?

— Знаю.

Она закрыла каталог.

— Вера.

— Что?

— Ты понимаешь, что тебя могут использовать?

— Как?

— Тебя могут попросить подписать то, что нужно, — сказала она. — А потом сказать, что ты ошиблась.

* * *

— Я не подпишу неправду.

— Все так говорят.

— Я не все.

Анна Романовна усмехнулась.

— Ладно, — проговорила она. — Тогда слушай, что нужно.

Она достала лист.

— Рентген. Химический анализ. Сравнение мазков. И заключение, которое подпишут двое: ты и я.

— Двое?

— Двое, — сказала она. — Чтобы не смогли сказать, что это одна восторженная студентка.

* * *

Я вышла из фонда в сумерках.

Позвонила Марку.

— Есть имя.

Пауза.

— Кто?

— Ковалёв. Пётр Ильич. Тысяча восемьсот восемьдесят первого года.

Тишина.

— Марк?

— Я слышу.

— Вы знаете это имя?

— Нет.

— А ваш отец? — спросила я. — Он мог знать.

Долгое молчание.

— Вера.

— Ну?

— Приезжайте, — сказал он. — Я нашёл его записную книжку.

Глава 24. Записная книжка

Он ждал меня на лестнице с книжкой в руках.

— Вот.

Это была обычная записная книжка в коленкоровой обложке, с загнутыми уголками.

— Где вы её нашли?

— В кабинете. В нижнем ящике, под счетами.

Я взяла.

— Можно?

— Открывайте.

* * *

Записи были мелкие, аккуратные, с датами.

«12.04.74. Куплена. 12 000. Продавец — М. С., мастерская на Обводном. Говорит, работа его дяди, который писал копии. Взял, потому что красиво. Проверить подпись.»

Я подняла глаза.

— «Проверить подпись».

— Я видел.

— Он проверял?

Марк полистал.

— Вот. «20.04.74. Эксперт сказал: копия. Хорошая. Не продавать. Не выставлять».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.